

Тюрьма НКВД

В шестидесятые годы, во времена Никиты Хрущёва, я слышал, как взрослые говорили о бедствиях спецпереселенцев (семья моей матери была выслана, насколько я помню, из Колманского района Алтайского края), о различного рода разоблачениях врагов народа в Колпашево в тридцатые годы, о тюрьме НКВД, о расстрелах заключённых.

Эта самая тюрьма располагалась на берегу реки Оби, на пересечении улиц Дзержинского и Стаханова (ныне Ленина).

Представляла она из себя двухэтажное деревянное серое здание, длиной метров тридцать и шириной метров двенадцать, с печными трубами и квадратными окнами. Правый угол здания, выходящий на улицу Дзержинского, имел углубление на уровне первого этажа, в котором виднелась тяжёлая бардово-красная дверь. Второй этаж в месте углубления подпирали колонны из толстых квадратных деревянных брусьев, а над вторым этажом возвышалась квадратная угловая надстройка, с уходящими вверх от угла рядами узких окон, почему то увеличивающейся высоты.

Когда я проходил с родителями мимо тюрьмы, или позднее с одноклассниками для участия в демонстрациях 7 ноября и 1 мая, особо пугающее впечатление производил

плотный деревянный забор, высотой порядка трёх, может чуть более, метров, окружавший здание с левой и задней стороны. Забор представлял собой толстые столбы с пазами, а в эти пазы вставлялись протёсанные брёвна длиной два, два с половиной метра. И само здание тюрьмы, и забор даже в середине шестидесятых годов, производили впечатление добротного сооружения.

В стороне забора, выходящей на Дзержинского, были конские (если можно так выразится) ворота. Видимо, именно в эти ворота работники комендатуры ввозили арестованных, летом на телегах или колясках, а зимой на санях, да кошёвках, запряжённых горячими жеребцами. По рассказам, которые я слышал, работники комендатуры, или как из часто называли — уполномоченные — любили плетеные из прутьев кошёвки и жеребцов, точно так же как современные начальники любят крутые иномарки.

Проходя мимо тюрьмы, я непроизвольно вспоминал рассказы о том, как в ней проходили расстрелы, как людей ставили к измерительной рейке вроде бы для определения роста, а в затылок через отверстие в рейке, прижатой к стене, неожиданно раздавался выстрел.

Так это было или нет, я не знаю. Знаю только, что и интонация рассказов, которые заходили между взрослыми то на рыбалке, то на покосах, и, конечно, в гостях, за столом, когда начинались, порой, воспоминания, ощущался ужас от

событий, свидетелями которых они были. Потом была война, далее опять тяжелое время (а было ли когда в России лёгкие времена?), затем 20-й съезд КПСС, речь Хрущева о разоблачении культа личности Сталина, о происках Ежова, Берии, о реабилитации невинно осуждённых.

— Правильно, что проявляли бдительность, — говорил кто-нибудь из спорящих, — Посмотрите, кого только не выслали в общей массе к нам, начиная с тридцать первого года: и кулаков, и бывших белогвардейцев, и политических, и воров, да бандитов, — далее он приводил примеры из личной жизни, жизни знакомых, из публикаций газеты «Советский север».

— Да где там бдительность. Высылали всех подряд. Дела фабриковались, — возражал другой.

К концу шестидесятых споры поутихли. То ли жизнь более-менее наладилась или забываться прошлое стало.

Забурлила память, всколыхнулась 29 апреля 1979 года, когда Обь в очередное половодье съедала десять-пятнадцать метров берега. Обрушился яр, и обнажились останки заключённых, расстрелянных во дворе, за тем самым добротном деревянном забором, о котором я уже говорил.

И снова, вместо того, чтобы проявить благоразумие, уважение к мертвым, властные органы применили против

них оружие – мощные пожарные брандспойты мощных буксиров-толкачей наливных барж.

Сегодня место захоронения, вернее его координаты, находится примерно метрах в восьмидесяти от яра, на продолжение обрывающихся в Обь улиц Дзержинского и Ленина. Глубина реки в этом месте может десять, а может и все двадцать метров. Разнесла, развеяла вода прах по пескам да затонам, укрыла, спрятала теперь сама Обь косточки убитых, не разделяя на виновных и невинных.

А на Колпашевом кладбище до сих пор регулярно разбивают надгробие человека, бывшего начальником Колпашевской комендатуры в тридцать седьмом году.

09.02.2016